

МОЛЯКО В. А. Творческое поэтическое мировосприятие / В. А. Моляко // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского, г. Москва, 10-11 октября 2013 г.: В 3 т. – Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – С. 267-271.

ТВОРЧЕСКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ

Моляко В. А.

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины, г. Киев

E-mail: creativity.psylab@gmail.com

В целом ряде работ по психологии восприятия, которые, к слову, появились не только в последнее время, но и уже достаточно давно (Костюк Г. С., Ломов Б.Ф., Брушлинский А. В., Леонтьев А. Н., Зинченко В. П., Барабанщиков В. А. и др.), уже неоднократно подчеркивалось, что проблема восприятия не может рассматриваться в русле сколько-нибудь единой концепции. В этом направлении поиски должны быть продолжены и пока что никто, как представляется, не предложил убедительной траектории направления этих поисков. С одной стороны, такая картина кажется парадоксальной, ведь, казалось бы, в сфере восприятия осуществлены тысячи исследований и дело «всего навсего» за обобщением, синтезом, интегрированием наиболее удачных разработок. Но пока почему-то никто не дерзнул осуществить такого рода синтез. А ведь, с другой стороны, не будет преувеличением сказать, что без определенного решения в убедительном приближении восприятия вряд ли мы сможем подступиться к самой проблеме сознания (да и подсознания тоже). Думаю, что это звучит и не оригинально, и не претенциозно – «дверь, окно, калитка, ворота» в сферу сознания – это именно процессы восприятия.

Как мы уже неоднократно отмечали, одним из направлений поиска объективно достоверных средств изучения особенностей творческого восприятия является изучение произведений литературы и искусства, технического творчества (конструирования, проектирования, изобретательства). Продолжая анализ в этом направлении, попробуем хотя бы в

общих чертах рассмотреть некоторые общие индикации такого рода восприятия.

В одной из наших работ мы специально останавливались на некоторых особенностях протекания процесса восприятия нового условия технической задачи, что, хотя и не являлось примером максимально упрощенного варианта творческого восприятия, но достаточно четко определяло рамки исходной заданности и диапазон технологических средств проявления стратегии решения (выявления тактик анализа условия). Сейчас же обратимся к гораздо более масштабному варианту анализа, который, впрочем, мы также уже частично осуществляли, а именно к анализу творческого поэтического мировосприятия. Учитывая чрезвычайную сложность такого рода объекта изучения, мы в данном случае попытаемся осуществить лишь, так сказать, штрихпунктирный рейд.

Несколько предварительных замечаний.

Понятие мировосприятия мы связываем с двумя ключевыми понятиями: образом мира и мировоззрением. При этом понимаем «образ мира» как результат, сопутствующий мировосприятию, а само мировосприятие как обязательный базис для построения системы мировоззрения. Мы не будем здесь останавливаться на этих задающих понятиях, которые достаточно уже представлены в соответствующей литературе («образ мира» – освещен в целом ряде работ, но сама проблема мировоззрения хоть и не нашла пока своего адекватного отражения в психологических исследованиях, но обширно рассмотрена в работах по философии, культурологии и др.).

В нашей трактовке мировосприятие это достаточно длительный процесс, включающий целый ряд разноплановых и разножанровых восприятий окружающей реальности (от микро до макромира), восприятие самого себя и других людей, а проще говоря, всей той целенаправленно и хаотически циркулирующей информации, которую субъект воспринимает и которая содержит для него большие или меньшие дозы новизны (текущие самоощущения, восприятие максимально приближенных объектов, сферы семьи, «улицы», школы, микрорайона и т.д., плюс радио, кино, телевидение,

пресса, место работы, географические сферы, вплоть до, скажем, так, космических представлений).

Текущее мировосприятие («сиюминутное») основывается на целом ряде уже сложившихся установок, диспозиций, оценок, умозаключений и т.п., но в каждом отдельном случае в зависимости от возраста, специальности, ситуации будет более или менее локальным или крупномасштабным. Так, например, мы можем говорить о мировосприятии дошкольника, студента, или же о мировосприятии современного крупного ученого, о мировосприятии писателя или политического лидера и т.д.

И еще одно, очень важное, замечание. Поскольку речь идет именно о мировосприятии, а не, скажем, о восприятии предмета, небольшого объекта, то в каждом таком случае мы будем подразумевать, что речь идет не о конструировании одного достаточно простого образа, а своего рода многообразии. Объектом творческого мировосприятия будет определенная большая или меньшая совокупность образов и понятий (опять-таки: оценок, впечатлений, взглядов, рассуждений и пр.).

Продолжая анализ поэтического восприятия мира в его многообразии и не упуская из виду того обстоятельства, что в данном случае всегда нужно иметь в виду, как и во многих других случаях и не только литературного творчества, что речь идет о словесном кодировании реально воспринимаемых объектов и их совокупностей, а также и то, что в каждом случае речь опять-таки идет о своего рода уже статически «закрепленном восприятии» (а восприятие по сути своей – это «текучесть», «поток»); не надо забывать, что именно в поэтических образах, словесной, лексической, семантической «обработке» воспринимаемого мы, как хочется думать, имеем дело с наиболее приближенным к реальности восприятием мира, его объектов, ритмов, движения, временных координат. С нашей точки зрения в некоторых видах деятельности словесная поэтическая «формула» достовернее любой математической формулы, поскольку математика это уже «двойной уход» от реальности – сначала в словах, а затем и в цифрах и формулах; но это, как

известно, уже особая область измерения знаков, значений, смыслов, их адекватности и т.д.

С учетом сказанного обратимся уже непосредственно к анализу поэтического мировосприятия.

Чтобы указанное многообразие мировосприятия не усложнялось, так сказать, личностным многообразием воспринимающих, остановимся на примере творчества лишь одного поэта, в данном случае поэта безусловно талантливого с широкодиапазонным спектром тем, с протяженным пребыванием на трассе литературного марафона, с биографией, которая с самого начала его работы органически вплеталась в стихотворные строки. Это интереснейший поэт второй половины XX века – Евгений Винокуров, которого я, думаю несколько не преувеличивая, назвал бы одним из Несторов-летописцев нашей жизни в этот период, наряду с такими мастерами как Леонид Мартынов, Борис Слуцкий и еще рядом других – разным по всем основным творческим и человеческим характеристикам.

Внешняя жизнь поэта, конечно же, далеко не всегда сколько-нибудь разительно отражается на его «внешнем» творчестве. Ни Пушкин, ни Лермонтов, скажем, дальше Кавказа не удалялись от российских столиц, в отличие от Тютчева, много лет прожившего в Германии, от Евтушенко, который, намного превосходя посещавшего Африку Гумилева, объездил чуть ли не все страны, но мировосприятие и Пушкина, и Лермонтова вряд ли уступает какому-нибудь туристическому восприятию современного поэта-путешественника. Вот то же можно сказать и о Мартынове, и о Винокурове, хотя у последнего и были заграничные вояжи, что и в творчестве нашло отражение, но отражение несоизмеримое со всем тем, что связано с повседневной жизнью на Родине, которая и определяла психологический (и философский, и культурологический) вектор мировосприятия.

Чтобы лучше понять некоторые моменты в творчестве поэта, обратимся к скромным по объему эскизам в его автобиографии. Вот ее некоторые «точки бифуркации», которые выделил сам автор.

«Женя Винокуров. Пять лет. Сенсорно-пространственная ориентировка в пределах возраста. Осведомленность в политико-социальных явлениях хорошая. Активен. Инициативен.» (Это справка из детского сада).

«Мне вспоминается мое детство, которое совпало с одним из самых бурных периодов в жизни нашей страны. Это было время индустриализации, время ломки старого быта, время экспериментов во всех областях, в том числе и в области педагогики... Я был объектом экспериментов. Педагоги то запрещали сказки, которые, по их мнению, развивали ненужную для активного человека мечтательность, то давали рассматривать какие-то кубистически-конструктивистские схемы. В школе тоже ломалась программа... Помню Москву тех лет. Гигантский плакат «Автодора» на Страстном монастыре. Первомайскую Тверскую с портретами ударников, с карикатурами на Чемберлена. И над всем этим бронзового Пушкина, чуть-чуть грустного, романтически элегантного... Окончание моего детства совпадает с началом войны... После девятого класса, начав только заниматься в десятом, я ушел в офицерское артиллерийское училище... Осенью 1943 года я уже принял артиллерийский взвод. Мне не исполнилось еще и восемнадцати лет – передо мной стояли пушки и двадцать пять взрослых человек... Весной 1944 года полк отбыл на 4-й Украинский фронт, в Карпаты... Войну закончил в Силезии... Я рад, что на мою долю выпали настоящие трудности. О моем поколении нельзя сказать, что оно опоздало родиться (вот вам и мудрость – !? – китайской пословицы-пожелания врагу – жить в период перемен – В.М.)... Около четырех лет в армии я не читал книг. В институте (поэт был без экзаменов принят в литературный институт после демобилизации из армии по решению медкомиссии – В.М.) на подоконниках сидели мои сверстники, потрясенные войной. Ни о чем другом мы не могли говорить. За спиной Европа, могилы. Я читал. Я открывал для себя одного поэта за другим – каждый день по поэту». И далее, отвергая рационалистическую точку зрения на написание стихов, Е.Винокуров отвечает: «Я понял, что настоящий поиск... происходит не в области стихотворной техники, где продвижение вперед идет на миллиметры, а

в области человеческой психики, в области мысли, где возможны рывки вперед на сотни километров».

И еще один фрагмент, важный для нашего анализа: «Что такое поэзия?... Поэзия – это и музыка, к которой прислушивается поэт в себе самом, но это и диалог, которому он подчинен; это и живописные зрелища, но и слово, несущее смысл, суть; это и галерея эпических характеров, но и признанья; это и внутренний голос, но и внешний ритм».

Легко увидеть, что мнение поэта близко к нашей трактовке полифоничного образа, порождаемого творческим восприятием мира в его малых и больших координатах, что нашло такое четкое выражение в последнем абзаце автобиографии.

Но настоящая и биография, и автобиография поэта, как и любого творца, конечно же в его поэзии, в его творчестве, как и сокровенная суть, сакральная сущность любого человека в его высших достижениях, когда он бывает правдив и искренен как на исповеди, когда он не прибегает ни к каким ухищрениям и изощрениям. В лучших стихотворениях Евгения Винокурова (а лучших стихотворений у него многим больше, чем у некоторых других, далеко не бесталанных поэтов, впрочем в поэзии понятие количества не работает – ведь можно быть великим поэтом, написав только одно стихотворение!) мы имеем дело с поэзией без примесей, самой чистой и реальной, как настоящий черный хлеб. Я навсегда запомнил, как в беседе со мной Е. М. Винокуров говорил: «Людам нужен черный хлеб поэзии. Им не хватает именно настоящего черного хлеба. А некоторые (тут он называл одного из модных стихотворцев – В.М.) предлагают пирожные, торты, которые никогда не могут заменить черный хлеб и утолить естественный голод...» Это другими словами о том же, что и о технике стихосложения – важнее мысль, чувство. Да и вообще – после Велемира Хлебникова, Бальмонта, того же Крученых, доводившего стихи до абсурда, наивно было бы ожидать каких-то продвижений в модерне и постмодерне больше, чем на миллиметры, или даже микроны. Отдельные

положения нашего доклада иллюстрируются цитатами из поэтического наследия Е.М. Винокурова.